

Лейкин Николай Александрович

В ожидании наследства

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
В ожидании наследства: Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 482 с.

ISBN 978-5-519-92951-6

ISBN 978-5-519-92951-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— А вы думаете, что это ужъ такъ много? иронически улыбнулась блондинка.— По нынѣшнему времени— это: тѣфу!

— Но вѣдь ты-же раньше была довольна. По вечерамъ я съ тобой вездѣ бываю... Недавно часы золотые съ цѣпочкой подарилъ.

— Что такое часы! Что такое: раньше была довольна! Раньше была довольна, а теперь не довольна. Раньше я въ разныхъ безсловесныхъ роляхъ только для красоты на сценѣ показывалась, а теперь я по словесной части роли играю, даже куплеты пою.

— А! Вотъ какъ... процѣдилъ сквозь зубы молодой человѣкъ.

— А вы думали какъ! Всякая дѣвушка должна себя цѣну знать. Мнѣ ужъ и то подруги всѣ уши прожужжали: и чего ты, дура, съ Бережковымъ путаешься, коли ты давно можешь на парѣ вороныхъ летать!

— Да вѣдь я тебя не только на парѣ, а даже на тройкѣ сколько разъ возилъ.

— Это все не то. А вы наймите-ка у извозчика лошадей помѣсячно, да пусть онѣ каждый день у меня у подѣзда стоять.

— Такъ вотъ ты чего хочешь!..

— Да, этого самого... И ужъ нашелся одинъ полковникъ, который все это предлагаетъ.

— Да, да... поддакнула тетка.— И не то, чтобы какой-нибудь полковникъ старый, а изъ себя, можно сказать, настоящій мужчина.

— Кромѣ того, лисью ротонду, крытую бархатомъ, дарить, продолжала блондинка. — А у васъ я прошу, прошу себя песцовую ротонду, да допроситься не могу. Думаете, пріятно мнѣ въ бархатномъ пальтѣ съ куньимъ воротникомъ бѣгать? Подруги-то смѣются. У нихъ у всѣхъ ротонды мѣховыя, а я въ пальтѣ на свиномъ визгѣ щеголяю.

Молодой человѣкъ прошелся взадъ и впередъ по комнатамъ, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Ротонду мѣховую я тебѣ подарю, погоди только.

— А когда подарите, тогда и пріѣзжайте. А теперь: вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ.

— Ахъ, Надя, Надя! Не ожидалъ я, что ты такая коварная! Я тебя такъ люблю, а ты...

— Кабы ужъ любили, такъ давно-бы ротонду подарили.

— Клянусь тебѣ, что для тебя я готовъ...

— Пожалуйста, актера изъ себя не разыгрывайте!

— Полковникъ этотъ такой добрый и обходительный, что даже и мнѣ пальто на бѣличьемъ мѣху обѣщаль подарить... вставила свое слово тетка.

— Ахъ, оставьте пожалуйста, тетенька! Ну, стоитъ-ли съ нимъ разговаривать! перебила блондинка.—Лучше вы попросите его уходить честь честью...

— Это все-таки ко мнѣ относится? спросилъ молодой человѣкъ.

— Конечно-же къ тебѣ. Какой ты глупый. А еще говоришь, что въ Коммерческомъ училищѣ учился!

— Но вѣдь я на ротонду согласенъ, подожди только...

— Тетенька! Да гоните-же его вонъ! Не желаю я съ нимъ больше разговаривать. Хочетъ онъ по прежнему сюда приходить, такъ пусть прежде хорошую мѣховую ротонду пришлетъ и чтобы у подъѣзда моего каждый день лошади стояли. Ступайте-же...

Молодой человѣкъ стоялъ какъ ошалѣлый и не двигался. Минуту спустя онъ произнесъ:

— А ежели я это все такъ, по твоему, то по прежнему любить будушь?

— Да конечно-же... отвѣчала блондинка и прибавила: — только ужъ я теперь буду строгая и чуть что не потрафите—сейчасъ по шапкѣ васъ... Я была дура, я себѣ цѣны не знала, а теперь я очень хорошо понимаю, въ какихъ я смыслахъ...

— Кромѣ полковника, есть еще одинъ въ нее влюбившись, сказала тетка. — Есть еще богатѣющій купецъ съ Калашниковской пристани, который ходитъ да поетъ

и подрутъ ейныхъ упрасиваетъ, чтобы о немъ хорошее слово замолвили.

— И ужъ полковника тогда по боку, если я все это какъ слѣдуетъ?.. спросилъ блондинку еще разъ молодой человѣкъ.

— Да конечно-же... Я вовсе не такая—эдакая... какъ всѣ... Я ужъ люблю, такъ одного люблю. Я и по сейчасъ-бы тебя любила, но должна-же я себѣ цѣну знать. Всѣхъ я лучше... всегда такіе аплодисменты на сценѣ и вдругъ... И не диво-бы, еслибы вы не могли, а то живете вы при дядѣ, дядя у васъ богатый купецъ...

— Богатый-то, богатый, да денегъ даетъ мало. Погоди, вотъ умереть... Онъ человѣкъ старый, больной... На ладонѣ дышетъ.

— Поди ты! Сама состарѣешься, пока твой дядя умереть. А я хочу жить.

— Увѣряю тебя, что дядя скоро умереть. Онъ совсѣмъ болѣнъ. Онъ и по дѣламъ никуда не ѣздитъ, и въ лавки не ходитъ. Его два доктора лечатъ.

— Что мнѣ за дѣло до твоего дяди! Я сейчасъ хочу, чтобы была ротонда и лошади... И странное дѣло, чего ты сквалыжничаешь: дядя болѣнъ, лавки на твоихъ рукахъ, подошелъ къ кассѣ—взялъ, да и...

— Не больно-то и на моихъ! У насъ тоже старшій прикащикъ есть.

— Поди ты! Любилъ-бы меня, такъ и съ старшимъ прикащикомъ сдѣлался.

— Не такой онъ человѣкъ.

— Ну, такъ занять гдѣ-нибудь денегъ можешь до смерти дяди. Мало-ли есть такихъ, которые деньги взаимы даютъ! Денегъ дадутъ и будутъ ждать.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Конечно-же, Константинъ Павлычъ, вамъ денегъ дадутъ, проговорила тетка.—Прямо изъ-за дяди дадутъ... Вѣдь вы евовный полный наслѣдникъ.

— Не больно-то и полный, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Есть и другіе. Онъ старъ, старъ, но у него тоже дамская слабость есть... Ей, какъ кажется, много отка-

зано. Конечно, и мнѣ кое-что очистится послѣ его смерти, но не все-же...

— Такъ вотъ теперь, пока старикъ живъ, и надо пользоваться всякимъ манеромъ изъ его капиталовъ, проговорила блондинка и прибавила:— Ну, а теперь уходите. Довольно съ вами разговаривать.

Молодой человѣкъ былъ совсѣмъ обезкураженъ. Онъ взялъ со стола шапку и произнесъ:

— Прощай, коли такъ.

— Прощайте... отвѣчала блондинка и отвернулась.

— Дай-же руку-то... протянулъ свою руку молодой человѣкъ.

— Не желаю... Когда будетъ ротонда -- тогда и руку вамъ подамъ, а до тѣхъ поръ—ничего. Идите безъ разговоровъ. Тетенька, заprite за нимъ дверь.

Молодой человѣкъ, потупившись, вышелъ изъ комнаты. Тетка блондинки слѣдовала за нимъ.

Глава II.

— Ушелъ? спросила Надежда Ларионовна тетку, когда та вернулась изъ прихожей.

— Ушелъ.

— Ну, что онъ?

— Совсѣмъ какъ-бы не въ себѣ. Меланхолія такая въ глазахъ и даже слезы... Вотъ пять рублей мнѣ въ руку сунулъ... «Уговорите, говорить, ее, Пелагея Никитишна, чтобъ она попрежнему... Ротонду, говорить, я ей завтра или послѣ завтра привезу». Такъ его и надо, милочка. Чего его жалѣть-то! Повѣрь, что захочетъ, такъ найдетъ денегъ.

— Все-таки мнѣ его жалко. Онъ такой простой, да глупенькій, а я такихъ люблю. Такіе-то лучше, сказала Надежда Ларионовна.

— Да вѣдь при тебѣ-же останется, отвѣчала тетка.— Ты только его пугнула. Повѣрь, что прибѣжить съ ротондой. Только ты на одну ротонду не соглашайся, а

чтобъ и лошади были. Вѣдь это въ сущности полтора ста рублей въ мѣсяцъ, не больше, если взять у извозника.

— Ему такихъ денегъ не найти. Онъ ужасно глупый и неопытный.

— Да вѣдь, въ сущности, за лошадей можно потомъ заплатить, по окончаніи мѣсяца. Извозникъ подождетъ. У того-же Булавкина и возьмемъ лошадей и экипажъ, у котораго онъ тройки беретъ. Пусть только Костя скажетъ ему, что это онъ будетъ платить, что это на его счетъ. Да мы вотъ что сдѣлаемъ: какъ только твой Костюшка привезетъ сюда ротонду, я сейчасъ съѣзжу за извозникомъ Булавкинымъ и здѣсь мы это все и обору-дуемъ. Пускай росписку выдастъ. За росписку извозникъ всегда согласится.

Надежда Ларіоновна вздохнула.

— Ахъ, ему и на ротонду денегъ не найти по его глупости! произнесла она.—Онъ совсѣмъ на манеръ какой-то овцы. Вѣдь денегъ нужно искать умѣючи. Вы думаете, дешево ротонда-то чернобурая стоитъ?

— Ничего! подмигнула тетка. — Въ дядинъ сундукъ слазаетъ. Ты думаешь, теперь-то онъ не лазаетъ, что-ли? Конечно, лазаетъ, но беретъ по немножку. А теперь сразу возьметъ.

— Да вѣдь сразу-то можетъ быть замѣтно. Вдругъ попадется? Вѣдь на чернобурую-то ротонду тысячу рублей надо.

— Ну, хочешь я ему ростовщика подсватаю? сказала тетка.

— А у васъ развѣ есть такой на примѣтѣ? спросила Надежда Ларіоновна.

— Да вотъ Шлимовичъ, что съ Лизаветой Николаевной путается. Онъ многимъ даетъ деньги на проценты.

— Конечно-же, подсватайте. А то Костя сразу залѣзетъ къ дядѣ въ сундукъ, ну тогда все и откроется. Мнѣ-же хуже будетъ, если ему дядя крылья обрѣжетъ. Тогда ужъ прощай и квартира, и все. Да мнѣ и самого Костю жаль. Онъ сколько разъ мнѣ говорилъ, что по немножку онъ

можетъ изъ лавки денегъ брать, чтобъ незамѣтно... А сразу нельзя.

— Изволь. Я сбѣгаю къ Лизаветѣ Николаевнѣ и поговорю съ ней насчетъ Шлимовича.

— Съѣздите, тетенька, и поговорите. Ей-ей, онъ самъ такой глупый, что никакихъ этихъ ростовщиковъ не найдеть. Похлопочите. Вѣдь деньги у Костюшки вѣрныя, только онъ не можетъ сразу... А тутъ можно сдѣлать такъ, что деньги онъ займетъ сразу у Шельмовича этого, а потомъ ему по частямъ отдавать будетъ.

— Шлимовичъ, а не Шельмовичъ, поправила Надежду Ларионовну тетка и прибавила: — Ты смотри не проговорись при встрѣчѣ съ нимъ. Его ужъ и такъ Шельмовичемъ дразнятъ и онъ ужасно сердится.

— Ну, вотъ... Съ какой-же стати нужнаго человѣка дразнить! А я думала, что его настоящая фамилія Шельмовичъ. Онъ жидъ?

— Да, должно быть, изъ жидовъ. Ужъ эти, которые по денежнымъ дѣламъ, всѣ изъ жидовъ.

— Такъ съѣздите, тетенька, поскорѣй и узнайте. Я буду новые куплеты учить, а вы съѣздите, еще разъ сказала Надежда Ларионовна.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала тетка. — Только гдѣ-же мы твоего Костюшкуведемъ съ этимъ Шлимовичемъ?

— А пусть Лиза привезетъ его къ намъ въ театръ. Да забѣгите и къ Костѣ въ лавку. «Надя, молъ, вамъ кланяется и проситъ васъ пріѣхать въ театръ и придти на сцену. Она, молъ, въ послѣдній разъ хочетъ поговорить съ вами». То-то обрадуется онъ! прибавила Надежда Ларионовна улынувшись. — Накрыльяхъ прилетитъ. Ежели Лиза привезетъ Шлимовича, то послѣ театра мыведемъ ихъ. Костюшка пусть пригласитъ Лизу и Шлимовича ужинать, за ужиномъ и переговоримъ.

— Стало быть, и ты поѣдешь съ Костюшкой ужинать?

— Ну его къ черту! Поѣду...

Тетка покачала головой.

— Эхъ, Надя, Надя! Не выдержишь ты себя. Нѣтъ

у тебя этого самого характера, сказаза она;—А вотъ помяни мое слово: онъ увидить, у тебя душа размякла, да сейчасъ и на попятный насчетъ ротонды.

— Странное дѣло... Вспомните, что вы говорите, тетенька. Я только изъ-за этого и ѣду съ нимъ ужинать, чтобы онъ для меня денегъ занялъ у Шлимовича, проговорила Надежда Ларіоновна.—Какъ-же иначе устроить-то? Ну, не захочетъ онъ занимать денегъ, такъ ужъ тогда я его совсѣмъ отъ себя прогоню.

— Не прогонишь. Ты въ него влюбимшись, какъ кошка.

— Я-то? Пфъ... Мнѣ просто его жалко, потому что я люблю глухыхъ. Да и такъ... Что-жъ его гнать-то очень? Умри у него дядя, такъ посмотрите, какой онъ будетъ выгодный кусокъ!

Тетка накинула платокъ, надѣла капоръ.

— Такъ я пойду, проговорила она. — Ну, давай на извозчика.

— На какого извозчика? вскинулась на нее Надежда Ларіоновна. — Вѣдь Костюшка далъ вамъ сейчасъ пять рублей на извозчика.

— То не на извозчика, а за хлопоты, чтобы я тебя уговорила.

— Стыдитесь! Живете у меня, пьете, ѣдите даромъ, всякими обносками пользуетесь, да еще каждую минуту хотите съ меня-же сорвать. Сорвали съ Костюшки—и будеть съ васъ.

— Ну, хорошо, хорошо.

Тетка отправилась въ прихожую. Надежда Ларіоновна провожала ее.

— Послушайте, тетенька... А не заберетъ этотъ Шлимовичъ Костюшку въ лапы? Вѣдь ростовщики тоже какъ забираютъ въ лапы эдакихъ разныхъ неопытныхъ юношей.

Тетка улыбнулась и отвѣчала:

— А тебѣ-то какое дѣло? Да пушай.

— Ну, не скажите. Онъ все-таки человѣкъ нужный и даже очень нужный. Зачѣмъ? Его нужно беречь. Зачѣмъ

ужь совсѣмъ-то въ яму пихать? А ростовщики народъ ой-ой! Курлинъ вонъ изъ-за нихъ, подлецовъ, застрѣлился.

— Пусть глядитъ въ оба. Вѣдь Константинъ Павлычъ не дуракъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ дуракъ.

— Поди ты! Это тебѣ такъ кажется, а въ сущности онъ хитрѣ тебя.

— Все-таки вы, тетенька, скажите Лизаветѣ Николаевнѣ, чтобы она сказала Шлимовичу, чтобы тотъ ужь не очень Костюшку-то обдиралъ. «У него, молъ, деньги вѣрныя, но только онъ не можетъ сразу»...

— Да ужь ладно, ладно.

Тетка ушла. Надежда Ларіоновна подошла къ зеркалу, полюбовалась на себя, потомъ зѣвнула, потянулась, взяла тетрадку и принялась учить новые куплеты.

Глава III.

Было пять часовъ. Тетка Надежды Ларіоновны все еще не возвращалась домой. Надежда Ларіоновна посердилась на ея медленность и велѣла подавать себѣ обѣдать. Въ эту минуту раздался звонокъ. Въ комнату влетѣлъ Костя Бережковъ и со всѣхъ ногъ бросился къ Надеждѣ Ларіоновнѣ.

— Милочка! Надюша! Какъ я радъ, что ты меня простила! заговорилъ онъ.

— Тише, тише... Пожалуйста не приближайтесь. Вовсе я васъ не прощала и вы все еще подѣ штрафомъ—отстранила его Надежда Ларіоновна.

— То есть какъ это?.. недоумѣвалъ Костя, опустил руки.

— Очень просто: подѣ штрафомъ. И до тѣхъ поръ будете подѣ штрафомъ, пока не явятся у меня чернубрая ротонда и лошади. Не подходите близко, не подходите. Стойте тамъ.

— Но вѣдь сейчасъ-же у меня въ лавкѣ была твоя

тетка Пелагея Никитишна и сказала, чтобы я приѣхалъ. Я прилетѣлъ на крыльяхъ любви.

— Теткѣ было приказано передать вамъ, чтобы вы явились въ театръ, на сцену, но вовсе не сюда. Здѣсь я васъ безъ ротонды и лошадей не желаю видѣть.

— Будутъ лошади, будетъ ротонда. Пусть только все останется по-старому. Прости.

Костя сложилъ на груди руки и умильно взглянулъ на Надежду Ларионовну.

— Когда все будетъ, тогда и прощу, отвѣчала она и спросила: — Говорила вамъ тетенька насчетъ ростовщика?

— Говорила, но Лизавета Николаевна не можетъ привезти его сегодня къ вамъ въ театръ, потому что они уже ѣдутъ сегодня въ балетъ. У нихъ и билеты взяты. Лизавета Николаевна завтра привезетъ его. Вотъ оттого-то я сейчасъ къ тебѣ и приѣхалъ. Прости. Я согласенъ. На все согласенъ. Прости.

— Все это вы могли-бы сказать вечеромъ въ театрѣ. Вѣдь вамъ приказано явиться въ театръ, а вовсе не ко мнѣ на квартиру.

— Ангелъ! Въ театрѣ я сегодня не могу быть. Да и зачѣмъ быть, ежели Лизавета Николаевна не привезетъ? Впрочемъ, что я!... Въ театръ я также прилетѣлъ-бы на любовныхъ крыльяхъ, чтобы насладиться лицеизрѣніемъ твоихъ божественныхъ глазокъ, но...

— Пожалуйста, пожалуйста, не заводите рацеи... перебила Костю Надежда Ларионовна.

Тотъ умѣрилъ восторженный тонъ.

— Въ театръ прискакалъ-бы я на всѣхъ парахъ, но мнѣ сегодня вечеромъ непременно нужно быть дома, ска- залъ онъ.

— Что такое у васъ стряслось?

— Дядя очень болѣнъ.

Да вѣдь онъ и раньше былъ болѣнъ.

— Сегодня днемъ ему сдѣлалось хуже и вечеромъ онъ поднимаетъ къ намъ на домъ чудотворную икону. При- несутъ ее изъ церкви и будутъ у насъ служить дома все-

нощную и молебень. Ну, а при такомъ случаѣ мнѣ непременно нужно быть дома. Надо быть на виду. Дядя поминутно можетъ хватиться меня. Завтра-же я во что-бы то ни стало буду въ театрѣ.

— Ага! Не хочется умирать старому.

— Онъ не поправится. Положительно не поправится. Всѣ доктора говорили намъ въ одинъ голосъ... То есть не ему, а намъ только. Ему и до весны не дотянуть. Онъ даже пожалуй и самъ знаетъ и вотъ оттого-то сегодня рѣшилъ поднять икону. Человѣкъ старый, богомольный, такъ ужъ само собой...

Костя не договорилъ.

— Странное дѣло, что у васъ на все есть отговорки... произнесла Надежда Ларионовна и прибавила:— Садитесь.

— Простила? Ты меня простила, Надюша? Вотъ за это мерси! встрепенулся Костя и снова бросился къ Надеждѣ Ларионовнѣ.

— Не подходите, не подходите... заговорила та. — А то я убѣгу въ спальню и запрусь тамъ. Сказать «садитесь» еще не значить простить. Я уже сказала, что прощены вы будете тогда только, когда у меня явятся лошади и ротонда.

— Все будетъ, ангелъ мой, помоги только денегъ достать.

— Вотъ это можно. Для этого нарочно сегодня я къ Лизаветѣ Николаевнѣ и тетку посылала. Видите, я объ васъ больше забочусь, чѣмъ вы о себѣ.

— Мерси, душка...

— Да что: мерси! За это вы должны-бы мнѣ еще что-нибудь подарить, ну, да ужъ Богъ съ вами, только-бы ротонда была хорошая.

— Поѣдешь со мной. и сама выберешь, какъ денегъ добудемъ.

— Добудемъ! Вы даже сами и добыть-то не умѣете. Ужасная вы рохля, страсть какой неспособный, неимущій, все о васъ заботиться надо. Ну, садитесь-же, сказала Надежда Ларионовна.